

И.Б. Кукушкина

Коршунов

Коршунов Дмитрий Миронович — персонаж романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», друг-одногодок Григория Мелехова, его шурин, брат Натальи. Его отец — Мирон Григорьевич Коршунов — престарелый казак. Коршуновы были первыми богачами на хуторе Татарском. «Четырнадцать пар быков, косяк лошадей, матки с Провальских заводов, полтора десятка коров, пропасть гулевого скота, гурт в несколько сотен овец. Да и так поглядеть есть на что: дом не хуже моховского, о шести комнатах — под железом, ошелеван пластинами. Дворовая служба крыта черепицей, нарядной и новой; сад — десятины полторы с левадой...»

Дед его, Гришака, «участвовал в турецкой кампании 1877 года, состоял ординарцем при генерале Гурко, попал в немилость и был отослан в полк. За боевые отличия под Плевной и Рошичем имел два «Георгия» и георгиевскую медаль, и, доживая у сына», пользовался «в хуторе всеобщим уважением и хлебосольством».

На лице Коршунова выделяются глаза. «Из узеньких щелок желто маслятся круглые с наглинкой глаза. Зрачки — кошачьи, поставленные торчмя, оттого взгляд Митькин текуч, неуловим». Характер у него строптивый и непокорный.

Коршунов случайно встретился возле Дона с дочерью Сергея Платоновича Мохова Елизаветой. Вспоминая давнюю затею, звала Елизавета Коршунова на рыбалку. «Когда же поедем рыбалить? — спросила, запрокинув голову, щуря глаза. — Хуть завтра. Обмолотились, тепереча можно». Никогда Митька не собирался на рыбалку с таким рвением. «У песчаного обрыва баркас пристал. Не спрашиваясь, Митька поднял ее на руки и понес в кусты прибрежного боярышника. Она кусала ему лицо, царапалась, два раза приглушенно вскрикнула и, чувствуя, что обессиливает, заплакала зло, без слез...»

Желая загладить свою вину («Митька Коршунов Сергея Платоновича дочку обгулял!») Коршунов засылает сватов к Мохову и получает отказ. Еще и собак спустил на него Мохов, еле отбил Митька. Хмурым и злым ходил он, переживая позор. Коршунов пропадает на игрищах, путается с гулящими жалмерками, со Степаном Астаховым играет в очко.

В 1914 году в числе призванных на действительную военную службу казаков Вешенской станицы был и Коршунов. Вместе с остальными он попал в 3-й Донской казачий имени Ермака Тимофеевича полк. Три года в полку изменили его неузнаваемо. «Почти ничего не осталось в этом здоровенном черноусом казачине от того тонкого, стройного Митьки, которого три года назад провожали на службу. Он значительно вырос, раздался в плечах, ссутулился и пополнил, весил, наверное, никак не меньше пяти пудов, огрубев лицом и голосом, выглядел старше своих лет. Одни глаза были те же — волнующие и беспокойные...» На фронте заработал он Георгиевский крест.

«Жил Митька птичьей, бездумной жизнью: жив нынче — хорошо, а завтра — само дело укажет». Служил Коршунов, несмотря на свое бесстрашное сердце и горячую кровь, без усердия, не «искал возможности выслужиться». Из всех бед (его послужной список был далеко не благополучен) Коршунов выкручивался как мог. Его любили за веселый нрав, за простоту, за разбойную лихость.

«Улыбаясь топтал Митька землю легкими волчьими ногами, было много в нем от звериной этой породы: в походке увалистой — шаг в шаг, в манере глядеть исподлобья зелеными зрачками глазами...»

На жизнь Коршунов смотрел просто и прямо, ценя в ней день, которым живет. «Так же примитивно просты и несложны были его мысли: голоден — можно и должно украсть,

хотя бы и у товарища, и крал, когда был голоден; износились сапоги — проще простого разуть пленного немца...»

Если он чувствовал за собой вину, то искупал ее храбростью и участием в рискованнейших предприятиях. Многое за то прощалось ему.

Осенью 1917 года возвращались с фронта в хутор казаки. Пришел и Коршунов. Повсюду формировались отряды против Красной власти. Атаманом на хуторе Татарском был избран Мирон Григорьевич Коршунов. Митька входил в отряд татарских казаков, под командой хорунжего Петра Мелехова. Не раз среди охотников приводить в исполнение приговоры был Коршунов. Так он пришел в карательный отряд.

Служил Коршунов Войску Донскому в карательном отряде исправно и усердно, произвели его в вахмистры, а затем в подхорунжий. За время службы в отряде он исполнил и раздобыл. Офицерского чина добивался он не геройством. Здесь ценили другие качества. «...А качеств этих у Митьки было хоть отбавляй: не особенно доверяя казакам, он сам водил на расстрел заподозренных в большевизме, не брезговал собственноручно, при помощи плети или шомпола, расправляться с дезертирами, а уж по части допроса арестованных во всем отряде не было равного, и сам войсковой старшина Прянишников ... говорил: «Нет, господа, как хотите, а Коршунова превзойти невозможно! Дракон, а не человек!.. Из-под Митькиных рук еще не один осужденный живым не вставал...»

Жестокость, свойственная натуре Коршунова, чудовищно возросла в карательном отряде. «...Там, где уставший от крови и чужих страданий неврастеник-офицер не выдержал, — Митька только щурил свои желтые, мелкой искрой крапленные глаза и дело доводил до конца».

Таким стал Коршунов, попав в карательный отряд войскового старшины Прянишникова, таким явился он в родной хутор.

Тая злобу на Мишку Кошевого («Батю убили, деда убили, а я бы с ними христосовался?»), Коршунов собственноручно вырезал всю его семью, за что Мелеховы не пустили его в дом. Осудила Митьку и Ильинишна, мать Григория Мелехова. «Разве ж это казацкое дело — казнителем быть, старух вешать да детишек безвинных шашками рубить?!..» Отвернулась от него и сестра. Уехал Коршунов с хутора.

«Слышно было, будто пристал он к своему карательному отряду где-то около Каргиной и вместе с отрядом отправился наводить порядки в украинских слободах Донецкого округа, население которых было повинно в том, что участвовало в подавлении Верхнедонского восстания».